

Глава 10.

Человек в мире социального познания (Опыт анализа социокультурных различий)

К постановке проблемы

Проблема социальных и культурных различий человеческого познания относительно нова для современной социальной теории. До сих пор она находилась в центре внимания культурных антропологов. Однако у социальной теории имеется свой ракурс и свой подход к изучению социокультурных различий познавательной деятельности человека.

Социальная теория (социальная эпистемология) занимается изучением оснований социального и социально-научного познания (мировоззренческих, биографических, институциональных, идейно-политических, общетеоретических или парадигматических и т.д.). Но есть еще один вид оснований, которые накладывают на картины (модели) социального мира. Это — социокультурные ориентации и различия, латентно присутствующие в любом познавательном акте субъекта. Они действуют спонтанно или автоматически, определяя культурные приверженности субъекта познания тому или иному образу жизни и, в конечном счете, его социокультурную идентичность.

Социальное познание строится внутри себя не только как процесс получения нового знания о социальном мире. Наряду с ним существует и процесс конструирования социальной реальности посредством механизмов социокультурных различий и определений (идентификаций) в конкретной ситуации взаимодействия познающих субъектов.

Напомню, что человек как субъект познания живет в обществе и испытывает на себе постоянно его воздействие. Как член данного общества он совершает перманентный выбор среди множества социально-познавательных ситуаций. И ему помогают в этом процедуры различений, ведущие к установлению различий, функцией которых в свою очередь является самоопределение субъекта, достижение им социокультурной идентичности.

Начну с некоторых пояснений и уточнений. Как известно, различие есть результат различения. Различение (как важнейшая познавательная процедура) в отличие от социальной дифференциации (как естественно складывающегося деления людей по определенным, чаще всего объективным признакам) — это процесс конструирования и символического воспроизводства различий, прежде всего социокультурных различий¹¹². Различения, которые встроены в систему ориентирования человека как опознавательные механизмы, позволяют ему безошибочно определять свое место в социокультурном пространстве и выбирать образ жизни и стиль поведения, стратегию жизни и деятельности. Различая, мы тем самым конструируем наш жизненный мир, выделяя и интегрируя в нем отдельные стороны и грани, соответствующие нашей собственной природе.

Имеются как самые простые (элементарные) социокультурные различия — «я и другой», «свой и чужой» (или «наши и не наши»), «белые и черные», «правые и левые» и т.д., так и более сложные, цивилизационные различия, например, «Запад и Восток», «Север и Юг», «центр — периферия» и пр. Существуют также *метафизические различия*, производимые по способам существования людей в жизненном мире, которые находятся за пределами их повседневного опыта (например, «быть или не быть»).

Социокультурные различия носят дихотомический характер. Они выражаются чаще всего при помощи дуальных оппозиций. В этом, пожалуй, и состоит главный эвристический смысл нашей *концепции социокультурных различий*. Мы всегда, начиная с раннего детства, находимся в ситуации выбора, т.к. перед нами (нашим воображением — «внутренним экраном») незримо присутствует сказочный камень, на котором начертано: «Направо пойдешь... Налево пойдешь...». Но не только мы выбираем, нас также выбирают. Выбирают другие люди, обстоятельства и ситуации. Наши персоны проходят через фильтры социокультурных образцов, правил, норм, ожиданий и предпочтений, симпатий и интересов, и т.п.

Окружающий нас мир наполнен глазками невидимых видеокамер и фотоаппаратов, которые сканируют каждый наш шаг, слово или действие, отображая на своих внутренних табло процессы нашей жизни. Эта информация накапливается, пе-

рерабатывается и трансформируется в общественные мнения, оценки, решения относительно нас и наших близких. Постепенно создается обобщенный социокультурный портрет нашей личности, вырабатывая у людей нашего окружения стратегии и модели взаимодействия с нами. И эта работа невидимого (латентного) окружения проводится благодаря наличию таких механизмов, как социокультурные различия.

Мы конструируем социальную реальность нашей жизни посредством совокупности социокультурных различий, структурируя ее на множество миров. Причем выбор, повторяю, происходит с обеих сторон: мы выбираем и нас выбирают. Равнодействующая этого встречного выбора определяется в каждой ситуации конкретно: результаты социального «сканирования» зависят не только от нашего состояния и познавательного потенциала, но и от установок и ориентаций «невидимых сил» социального мира.

Я избрал достаточно сложный путь анализа социокультурных различий, используемых субъектами в процессе социального познания. Для начала я уточнил значения понятий «различие» и «различение». Далее мне пришлось ввести данные понятия в более широкий контекст анализа дихотомических различий, обоснованных мною в разных работах¹¹³ — «становление — развитие», «конституирование — конструирование», «дилетантизм — профессионализм», «обыватель — публичный человек», «хранитель — демиург», «формальное — неформальное в человеке» и пр. Причем все указанные оппозиции относятся не только к характеристике образа жизни человека как познающего субъекта, но и к анализу его познавательных способностей или качеств.

Так, например, различие между формальным и неформальным подходами к анализу социально-познавательной деятельности человека провести нелегко. И все же ради чистоты жанра портретной зарисовки я постараюсь его определить. Перефразируя Эрика Берна, я бы сказал, что формальное — «дело, которое делают люди в соответствии с общепринятыми правилами», а неформальное — «люди, которые делают дело, различаясь между собой убеждениями и ориентациями». Следовательно, формальное в социальном познании человека — это то, что он конструирует как субъект познания («дело», «работа»,

«профессия», «должность»), придерживаясь определенных (принятых в данном сообществе) «правил игры», а неформальное в нем — то, что он познает в обществе по собственной воле, с учетом своих индивидуальных особенностей и исходя из собственных предпочтений, оценок и убеждений.

Еще раз подчеркиваю, в реальном процессе социального познания человека грань между его формальной и неформальной сторонами провести сложно. Не только человек думает, что он делает «дело», но и последнее «делает» его, формируя его убеждения, знания, установки и предпочтения. Мир дела (работы) человека, связывающий его с другими людьми, определяет во многом его кругозор и познавательные возможности. И все же нельзя отрицать значения индивидуального своеобразия познавательной активности человека, его творческого порыва в жизни, автором которой он является с момента своего второго, социального рождения, выступая в качестве социализированной (социально и профессионально зрелой) личности.

При анализе формальных и неформальных сторон познавательной деятельности человека приходится обращаться к изучению его социальных ориентаций и жизненных стилей. Я полностью отдаю себе отчет в том, что феномен каждого конкретного человека не укладывается в прокрустово ложе концептуальных схем, типологий и методик, которые разрабатываются исследователями. Однако, если не абсолютизировать средства анализа, а рассматривать их как ориентиры, позволяющие отчасти и весьма поверхностно проникнуть в мир социального познания человека, то тогда «всякие средства хороши», лишь бы они помогали решать поставленные задачи. А задач, которые я ставлю и пытаюсь решить в данной главе, всего две:

1) понять логику социокультурных различий на примере дихотомического анализа социально-познавательных ориентаций человека;

2) выявить некоторые особенности социального (социокультурного) конструирования познавательной деятельности человека.

Как и полагается в научной статье, для решения этих задач я буду использовать определенные аналитические средства — *типологические схемы*, в том числе схему анализа социокультурных различий познавательного стиля личности.

Разумеется, для получения более достоверных результатов социально-познавательной деятельности человека необходимо привлекать другие, более «точные» и выверенные в научном плане методы: метод экспертных оценок, метод анализа документов, анализ эффективности поведенческих технологий и пр.

И здесь я вижу две проблемы, которые встают перед любым исследователем, предпринимающим попытку построить модель познавательных ориентаций человека.

Во-первых, при изучении формальных показателей познавательной деятельности человека возникает вопрос о критериях ее оценки. За основу я возьму комбинированные («интегративные») критерии познавательной и социальной зрелости человека, выраженные в его текстах (письмах и других личных документах) и представленные другими результатами его деятельности (личных и деловых встречах, проектах и т.д.).

Мне уже приходилось писать о критериях социальной и профессиональной (научной) зрелости ученых (см. мою статью «К вопросу о критериях «размежевания» и оценки профессиональной зрелости ученых в научном сообществе» // *Личность. Культура. Общество*. 1999. Вып. 1). В какой-то мере это можно отнести и к оценке социально-познавательной активности всякого человека независимо от его профессиональной принадлежности. Ведь каждый человек является автором собственной картины социального мира.

Так, можно предположить (с высокой долей условности), что существует примерно пять уровней социально-познавательной зрелости человека, которые он проходит (или не проходит) на протяжении своей социальной жизни и которые представлены, прежде всего, в его текстах, других творческих результатах, а также в позициях, которые он занимает в сообществе, а именно: «начинающий исследователь» («любитель»), «продвинутый исследователь» («аналитик» и пр.), «систематизатор», «методолог» («системщик») и «теоретик». Общий критерий их выделения — степень сложности и комбинированности указанных выше функций, результатов и позиций в познавательной деятельности.

На довольно высокой ступеньке «познавательной иерархии» находится «методолог», который свободно ориентируется в познавательном поле, разрабатывая необходимые и недоста-

ющие ему средства и методы работы с проблемами социальной жизни. Он владеет также функциями предсказания и предугадывания. В изучении предмета познания методолог занимает позицию «системщика», т.е. специалиста, способного эффективно применять элементы комплексного и системного анализа.

Более сложная и тонкая работа у «теоретика» («фундатора»), который является одновременно «генератором идей» и их «разработчиком», «систематизатором». Он является создателем оригинальной и принципиально новой картины социального мира, в которую вписываются представления об интересующем его предмете и непосредственном окружении.

В качестве частных критериев сравнения разных типов субъектов социального познания я предлагаю использовать следующие показатели их деятельности:

1) *критерии познавательной зрелости человека* (наличие и тип разработанной картины социального мира, наличие и вид текстов и практических результатов и др.);

2) *критерии социальной зрелости человека* (освоенные им ролевые позиции в социально-познавательной деятельности и освоенные статусные позиции в профессиональном или местном сообществе);

3) *комбинированные критерии познавательной и профессиональной зрелости человека* (степень выраженности способностей человека к профессиональному творчеству, степень освоения и интеграции функций социально-познавательной деятельности и др.).

Во-вторых, неформальный портрет познавательной активности человека выражается, прежде всего, в особенностях его стиля познания.

Впервые свою схему стилевых различий в социально-познавательной деятельности человека я опробовал в статьях «Жизненный мир провинциального человека (опыт анализа социокультурных различий)» (Провинция и столица: центробежные и центростремительные процессы духовной эволюции культуры: матер. Всерос. науч. конф. / Отв. ред. С.М.Климова. Белгород: Изд-во БелГУ, 2006), «Феномен Кирилла Разлогова: взгляд «со стороны»» (Культурологические исследования в Сибири. 2006. № 2(19)), «Два портрета одного человека (формаль-

ное и неформальное в портрете В.Щербины» (Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9. Вып. 1), а также в докладах на конференциях и лекциях-презентациях в ряде городов России.

Можно предположить, что образ жизни проявляется в типовых формах и видовых сходствах жизни людей. Он скорее объединяет людей, чем разъединяет, сближает их позиции, а не приводит к размежеванию.

Совершенно иначе мне представляется характеристика *познавательного стиля* человека. Стиль, как и почерк, трудно подделать. Он несет в себе своеобразие личности, особое сочетание ее качеств и поведенческой манеры. Единицей анализа стиля социального познания человека выступает, на мой взгляд, *социокультурное различие*.

Социокультурные различия как основания стилевых различий в познавательной деятельности человека носят, как правило, условный характер. Они выражаются в нашем случае при помощи дуальных оппозиций. При этом мной выделяются несколько видов стилевых социокультурных различий в социальном познании человека:

1) различия субъектов познания по избранной или освоенной ими парадигме социального бытия: становление или развитие;

2) различия субъектов по отношению к культуре: хранители-корректировщики и новаторы-демиурги;

3) различия субъектов в системе координат социального познания «центр – периферия»: «провинциалы» и «принципалы»;

4) различия субъектов по моделям социального участия: «акторы» (исполнители) и «авторы» (режиссеры);

5) различие субъектов по отношению к публичным делам: «обыватели» (или «обычные» люди) и публичные люди;

6) различия субъектов по уровню профессиональной компетентности и социальному опыту: «профессионалы» и «дилетанты».

Первые три вида я условно отношу к метафизическим различиям. *Метафизические различия* – это различия, производимые по способам познавательного освоения социального мира, которые находятся за пределами их повседневного жизненного опыта. Последние три различия я буду именовать *практическими*, поскольку они коренятся в повседневной практике человека.

Различия субъектов познания по парадигме социального бытия: становление и развитие

Предположение 1. Люди как субъекты социального познания руководствуются принципиально разными способами (парадигмами) бытия в обществе – становлением и развитием.

Я полагаю, что основная причина духовного кризиса как постсоветского, так и западного общества заключается не столько в недостаточности прежних критериев его развития, сколько в исчерпанности самой парадигмы развития.

Идеи развития и прогресса достаточно полно представлены в отечественной философии и науке, а вот идея становления оказалась во многом в стороне от столбовой дороги познания наших философов и ученых. Как известно, данная категория выражает спонтанную изменчивость вещей и явлений – их непрерывный переход и превращение в другое.

Меня интересует в данном случае проблема соотношения становления и развития. За неимением времени попытаюсь наметить лишь общие контуры этой проблемы, как я ее вижу и понимаю в контексте рассматриваемой проблемы. Поэтому я не буду здесь обращаться к античной философии и философии нового времени, где идея взаимосвязи становления и развития оказалась в центре внимания.

Отмечу только, что становление не следует противопоставлять бытию вообще, как это делали некоторые философы прошлого. Оно есть момент бытия наряду с развитием. Становление как «вхождение в присутствие и выход из него» соотносится с небытием («ничто») как отсутствием. Как известно, бытие у Хайдеггера – это «восходящее-являющееся постоянное присутствие» в мире. Следовательно, вхождение и восхождение суть атрибуты становления, а не бытия.

Поэтому более обоснованной мне представляется традиция разделения бытия на *актуальное*, ставшее бытие (бытие как развитие) и *потенциальное*, совершающееся, еще не ставшее бытие (бытие как становление). Становление не совпадает по смыслу с развитием. Имеется несколько существенных различий между ними, которые привносят новые смысловые оттенки в изучение социокультурных миров познающих субъектов.

Первое. Становление человека как субъекта познания не имеет конца (оно представляет собой непрерывный процесс преодоления предела), развитие же конечно (оно всегда есть, или уже стало).

Развиваться — это значит быть в мире, иметь присутствие где-то или в чем-то, обладать наличным бытием, осуществиться. *Совершать* (становиться) — это действие или процесс восхождения, т.е. переход в наличное бытие из возможности в действительность.

Таким образом, развитие есть актуализация становления и реализация одной из множества возможностей, заложенных в нем. Развивающийся субъект познания проходит все ступеньки карьеры (научной, преподавательской и пр.), например, от студента университета и аспиранта до профессора, руководителя научного направления или подразделения. Его вектор развития определен заранее и сопровождается нормативными процедурами (защита диссертации, конкурс на замещение должностей, выход монографий и учебных пособий и т.п.). Его познавательная и творческая активность в социальном плане имеет периоды роста, достижения пика, а затем постепенного спада и прекращения. Каждый период имеет не только нормативные рамки, но и показатели престижности, критерии успеха, свидетельствующие о социальной значимости того или иного акта развития познающего субъекта.

Познавательная активность становящегося субъекта не имеет вертикального измерения. Это — движение вширь или вглубь, а не вверх-вниз. Это восхождение не по социальной (служебной, иерархической лестнице), а по духовной лестнице, восхождение, у которого нет конца. Становление не нуждается в общественном признании и оценке. Оно есть процесс «внутреннего» движения личности в лабиринтах познания. В нем важна не оценка (отнесение к ценностям), а саморефлексия познающего субъекта, стремящегося познать новое и неизведанное в социальном мире.

Получается парадокс: развитие — это приближение смерти или постепенное умирание (как известно, период роста всегда сменяется зрелым состоянием, а последнее переходит в увядающее состояние и так до самого конца), становление же есть

набор высоты в духовном плане, оформление совершаемого без желания обрести собственную или социальную значимость, закрепить результаты своего движения в социальном мире в виде официальных и почетных постов, научных званий и наград.

Еще раз повторюсь: *развитие познающего субъекта имеет дело со ставшим* (уже совершенным) или нормативно заданным, становление — *со становящимся* (совершаемым) или субъективно желаемым. Развитие, как правило, оформлено в формальных результатах познавательной деятельности (должностях, званиях, книгах и пр.), других критериях измерения социальной значимости жизни субъекта. Становление же есть жизненный порыв познающегося субъекта, растянувшийся на всю жизнь. Это — бесформенное движение, движение по сути, а не по форме, содержательное наполнение совершаемого в процессе познания.

Второе. Становление и развитие по-разному определяют перспективы и горизонты личностного роста познающего субъекта.

В мире формальных, безличных отношений, которые я называю вслед за Ю. Хабермасом системным, становление невозможно как свободный выбор возможностей в духе Сартра. Здесь царит целерациональная логика развития.

Место назначения становления — жизненный мир, т.е. сфера повседневных коммуникаций, смыслом которых становится общение и достижение взаимопонимания. Именно там познающий субъект утверждает себя как творческая индивидуальность. Можно предположить, что социальное становление субъекта в качестве свободного существа происходит в гражданском обществе.

Становление есть потенциальное бытие познающего субъекта, не раскрывшееся и не реализованное до конца, т.е. еще не ставшее. Это — открытый путь в мире познания, предоставляющий субъекту веер возможностей для творческой самореализации. Развитие же, как правило, есть закрепление одного вектора движения, оформление результатов уже ставшего, достигнутого. Оно является венцом творения как раскрывающей в полной мере свой потенциал здесь-и-теперь реальности. Поэтому развитие идет скачками, взрывообразно, по нарастающей или по спирали, а становление внешне проявляется как полноводная река с сильным течением и холодными, освежающими ключами.

Третье. Становление и развитие имеют разное отношение к проблеме нравственного совершенства человека как познающего субъекта.

Как известно, совершённое и совершенство – слова однокоренные. Становление касается совершенства субъекта, развитие же относится к уже совершённому им, т.е. плодам его деятельности, получившим свою форму, ставшим реальностью «для-себя-и-других».

Совершенство же вытекает из стремления личности быть самой собой. Это – удел немногих, т.к. мало кому удастся совершать, не прекращая своего становления. В развитии же человек, как правило, уходит от себя. Он стремится стать, осуществиться, обрести социальную значимость, не замечая того, что постепенно он теряет самого себя, перестает им быть.

Следовательно, развитие имеет пределы, определяемые рамками достигнутого. Не случайно поэтому человек, добившийся в своей жизни успехов и славы, оказывается зачастую перед вопросом: а что же дальше? Многие, не решаясь ответить на этот вопрос, несутся дальше по колее развития, ставя новые цели и получая все новые и новые внешние результаты. Это «дурная» бесконечность, ведущая в никуда, а точнее – в ничто.

Становление как восхождение есть постоянное и неустанное расширение пределов развития, снятие замкнутого телеологического круга – «цель – результат». Ведь смысл развития в достижении, а смысл становления – в самом процессе совершенствования, в выходе за рамки наличного бытия, в осуществлении возможности снова быть самим собой или другим, не похожим на себя, оставаясь при этом самим собой.

Таким образом, мы навязали жизненному миру логику развития, свойственную системному миру. В становлении познающий субъект реализует себя как незавершенное существо, ведущее спор с вечностью, в развитии же – как смертное существо, устремленное к своему концу через конечные системы знания и опыта.

Поиски социальных критериев изменения жизненного мира в рамках парадигмы развития ведут в тупик. Жизненный мир не развивается в том смысле, что и мир формальных сис-

тем. Он конституируется (самосовершеншается) в процессе становления человека, раскрытия его творческого потенциала, открывая все новые и новые горизонты его познания.

Чтобы быть в становлении, надо перестать «казаться» и «иметь», к чему нас обязывает парадигма развития. Но это уже предпосылка для начала следующего сюжета.

Различения субъектов познания по отношению к культуре: хранители-корректировщики и новаторы-демиурги

Предположение 2. В мире социального познания удивительным образом сосуществуют и уживаются между собой разные типы субъекта – традиционный и модернистский (или креативный, постсовременный). Причем часть познающих субъектов продолжает соединять в себе черты традиционного и постсовременного человека, а другая часть выражает сущностные характеристики креативной личности, свойственной обществу модерна.

В этой связи у субъектов познания, придерживающихся парадигмы становления, есть определенное культурное преимущество перед теми, кто следует парадигме развития. Если вторые субъекты являются продуктом развития современной, индустриальной цивилизации, то первые – незавершенный продукт культуры модерна. Им еще предстоит стать, чтобы в полной мере реализовать свой потенциал.

Исследование эволюции человека в контексте культуры в отечественной и западной науке несмотря на свою актуальность не получило широкого распространения. В большинстве публикаций, вышедших за последние годы, преобладает сравнительный подход к изучению состояния и динамики социокультурных явлений.

Какова же роль культуры в формировании человека как субъекта социального познания? В научной литературе по проблемам модернизации выделяют обычно четыре типа культуры и соответствующие им типы личности: доклассическую или традиционную (V–XIV вв.); классическую или современную, модернистскую (XV–XIX вв.); неоклассическую, неосовременную или позднемодернистскую (XX в.); постнеоклассическую или постсовременную (конец XX в. и далее)¹¹⁴.

Моя же гипотеза заключается в том, что в современном мире сосуществуют в смешанном виде все типы культуры, когда-либо созданные человечеством — традиционная, модернистская, позднемодернистская и постсовременная. Причем парадигма развития используется преимущественно в модернистской и позднемодернистской культурах, а парадигма становления — в традиционных и постсовременных. Следовательно, субъект социального познания, придерживающийся парадигмы развития, существует в социокультурных мирах модерна, а сторонник парадигмы становления реализует себя в традиционной и постсовременной культурах.

Тип человека как познающего субъекта определяется нами в зависимости от двух основных факторов — природы и культуры. Если природа рассматривается в данном контексте как *поле объективных возможностей человека*, «внешняя» арена его жизнедеятельности, то культура характеризуется в большей мере как пространство или *сфера свободной самореализации его сущностных сил* и утверждения его позиции в мире как центральной, основополагающей.

Понятия «культура» и «свобода» взаимосвязаны между собой. Мы исходим из допущения, что чем больше степень свободы у человека, тем выше уровень культуры, и наоборот. В известном смысле культура есть способ взаимодействия человека с природой («первой» и «второй»), расширяющий его творческие и репродуктивные возможности самореализации.

Свобода человека — это культурное, «искусственное» явление. Она возникает вместе с появлением самой культуры. Однако последняя не только расширяет рамки свободы, но и ограничивает их. Культурная детерминация человеческой жизни осуществляется посредством установления правил, норм, ценностей, традиций, других ограничений. В этом смысле культура уподобляется природе как источнику жизни, устанавливающему физические, биологические и технические границы человеческого бытия. Но если в природе жизнедеятельность человека ограничена наличными условиями жизни и определенным набором доступных ему ресурсов, то в культуре таким ограничителем выступает свобода другого человека, которая защищена законами, правилами, нормами и т.д.

По мере движения от одного социокультурного мира к другому изменяется характер, содержание и границы его свободы. В традиционной культуре социальная свобода охватывает все то, что не противоречит существующим традициям и служит их воспроизводству. В мире модерна она локализуется в основном в сфере производства и потребления жизненных благ. В постнеоклассический (постмодернистский) период свобода становится достоянием людей, стремящихся к принятию реальности (а не к преобразованию, утилитарному использованию) и диалогу с ней. При этом предпочтение отдается не продуктивной и производительной деятельности человека, а его способности организовывать и поддерживать разнообразные (биосоциальные, информационные, обменные и пр.) связи с окружающей средой как средой его обитания.

Вместе с характером человеческой свободы исторически изменяется культурное содержание процесса социального познания. Свобода традиционного человека имеет «потустороннее», вземное значение. Она воплощена в его мифологических и религиозных представлениях. Иллюзия свободы дополняется и усиливается богатством и полнотой переживания настоящего. Человек ощущает себя свободным, лишь будучи выразителем мифов, преданий, верований, получивших свое закрепление в традициях и обычаях данной культуры. Следовательно, так понимаемая свобода не выходит за пределы традиционных образцов (религиозных догматов и пр.). Она находится в жестких тисках традиций и традиционного мировоззрения. Человек, вырвавшийся из этих тисков в ходе социального познания, становится «социально опасным», неудобным (например, еретиком, раскольником) или отверженным, «некультурным» (отшельником, бродягой).

Таким образом культура представляет собой «естественное» убежище для традиционного субъекта познания. Она естественна в том смысле, что последний рассматривает ее как свою собственную «природу» и не отличает себя от нее. Преобладание сельского труда, общинное хозяйство, земля как основное средство жизнеобеспечения все больше сближали человека с природой. Кроме того, культура данного периода является формой существования традиций, обычаев, ритуалов, в которых (или посредством которых) человек вел свое естественное существование.

В культуре классического периода свобода обретает новый смысл и практическое значение. Она становится не только желаемой (иллюзорной), но и легитимной, реальной. В этот период свобода утверждается как культурное достояние, а сама культура рассматривается как поле свободной деятельности людей, ограниченное только рамками морали и права. Призывы к свободе культуры уже связываются с требованиями культуры свободы.

Классическая, современная культура обладает в большей степени искусственностью (с точки зрения восприятия и познания ее человеком), чем традиционная. Человек все больше чувствует себя отчужденным и «заброшенным» в искусственном мире культуры. Ему противостоят в культурной форме им же созданные изобретения или продукты. Сотворенная человеком «вторая природа» предопределяет во многом способы удовлетворения его потребностей и возможности свободного творчества.

Еще одно принципиальное отличие современной культуры по сравнению с традиционной заключается в растущей дифференциации и непрерывном усложнении ее форм. Прежняя культура характеризовалась синкретичностью и аморфностью, относительной целостностью и неисторичностью. Для культуры классического периода характерны такие свойства, как гуманизм, рационализм и историзм. Гуманизм связан с утверждением пространства личной свободы человека в реальной жизни, рационализм подчеркивает субъективную роль человека в обретении свободы, а историзм указывает на направленность культурного развития в сторону расширения прав и свобод людей (признание человеческого и культурного прогресса). Именно в данное историческое время появляются реальные предпосылки для формирования личности и культуры современного типа.

Современный человек — это, прежде всего, свободный человек, который несет в себе такие свойства, как интерес ко всему новому, постоянную готовность к изменениям, разнообразие взглядов, ориентация на значимую информацию, рациональное использование времени и имеющихся в его распоряжении ресурсов, личное достоинство, партикуляризм и оптимизм¹¹⁵. Все это определяет в значительной мере содержание его социального познания. На первый план выступают не демиурги культуры, а ее хранители-корректировщики.

Следовательно, надо полагать, что соответствующие изменения происходят как в самой современной культуре, так и предлагаемых ею способах и стратегиях предметно-символического освоения социального мира.

Различия субъектов в системе координат социального познания «центр – периферия»: «провинциалы» и «принципалы»

В социальном познании существуют разные стратегии, реализуемые в зависимости от приближенности или удаленности от центров (источников) информации и общественного дискурса. Приведу еще одно различие, которое часто встречается в познавательной практике субъектов. Оно связано с необходимостью уточнения термина «провинциальный».

Термины «провинциальный», «провинция» и провинциализм» (лат. *provincialis, provincia*) используются мной не в негативном смысле, т.е. в значении «отсталый, наивный, простоватый, находящийся в захолустье, в удалении от культурных центров и благ», и даже не в буквальном, географическом значении – как «относящийся к провинции», территориально (а не культурно) удаленный от административного центра – столицы, областного города и пр.

Термин «провинциальный», с моей точки зрения, определяет высокую меру закрытости людей миру, их связанности и сопряженности с традициями места и времени (эпохи), погруженности в традиционную (немодернистскую) культуру. Поэтому это – скорее социокультурная, а не морально-этическая или географическая характеристика людей, их образа жизни.

Провинциализм в моем понимании характеризует образ жизни людей, их нравы, обусловленные не их отсталостью и неразвитостью или удаленностью от столичного или регионального центра, а скорее факторами культурного характера – оторванностью от «большого» мира, периферийностью процессов жизнеобеспечения и информационных потоков.

Наконец, *провинциальный человек* – это не просто человек, живущий на большом расстоянии от административного и культурного центра (в буквальном смысле – «человек из провинции»)

и в силу этого обстоятельства вынужденный вести относительно замкнутый и обособленный образ жизни. Провинциал отличается от других людей, прежде всего, своей укорененностью в традиции того края (места), в котором он живет. И это делает его необычайно адаптивным и устойчивым типом человека.

Ведь провинциальным человеком можно быть и в столице, ведя замкнутый и ограниченный (в культурном и информационном отношении) образ жизни. Например, группа лиц с высшим образованием, проживающих в Москве и деградировавших по причине алкогольной зависимости, куда более провинциальна и периферийна, чем коллектив учителей сельской школы Бурятии, участвующих в международных проектах и общероссийских экспериментах. То же самое можно сказать и о корпоративном сообществе преподавателей столичного вуза, не желающих осваивать новые образовательные технологии или осуществляющих чрезмерно жесткий (граничащий с произволом) контроль над деятельностью студентов.

Противоположностью провинциала как человека, погруженного в пространство местных традиций, нравов и оторванного от общестрановых и мировых тенденций культурного развития, является, с моей точки зрения, не столичный человек, далеко не всегда находящийся в центре событий и культурных процессов, а особый тип субъекта социального познания — *принципал*.

Принципал (от лат. *principalis* — главный) — термин, используемый преимущественно в финансовом деле для обозначения лица (как правило, основного должника), от имени которого действует агент. Я буду использовать другое значение этого термина («принципал как глава, хозяин»), расширяя и уточняя его социокультурное содержание. В этом смысле принципал есть главное действующее лицо («хозяин жизни»), олицетворяющее собой традицию и устанавливающее «правила игры», которые являются обязательными для других участников и, прежде всего, провинциалов, придерживающихся данной традиции.

Существенное различие между принципалом и провинциалом как противоположными типами познающих субъектов определяется мной по основанию: центр — периферия пространства социального познания. Если провинциал не произво-

дит традицию, а лишь поддерживает ее, оставаясь на периферии социокультурного пространства, то принципал создает (символически конструирует) данное пространство, находясь в центре событий, значимых для большинства людей. В то же время нельзя рассматривать провинциала как культурного маргинала. Он интегрирован в тело культуры даже сильнее, чем принципал, стремящийся порой нарушить сложившееся равновесие. В этом смысле провинциал — основной хранитель социокультурного пространства и сторонник традиционной модели социального познания, а принципал — его возмутитель и разрушитель.

Перейдем теперь к характеристике практических социокультурных различий, проявляющихся в процессе социального познания человека.

Различия познающих субъектов по моделям социального участия: «акторы» и «авторы»

Предположение 4. Субъекты социального познания различаются между собой выбираемыми ими моделями социального участия, а также возможностями влияния на происходящие в обществе процессы.

В онтологическом плане следует различать в обществе процессы *конституирования* (сфера естественного или спонтанного, т.е. самопроизвольно совершающегося в обществе, в том числе поддержание традиций) и процессы *конструирования* (сфера рационального в обществе, т.е. ориентированного на создание и преобразование искусственных объектов, в том числе социокультурных инноваций).

Перефразируя слова И.Канта, можно сказать, что, с одной стороны, есть то, что совершается в обществе до или вне прямого вмешательства людей, т.е. то, что делает с обществом его собственная природа, уже сложившиеся в нем традиции, нравы и обычаи (*процессы социального конституирования*); и, с другой — есть то, что происходит в нем под влиянием их целей, действий, проектов и технологий, т.е. то, что делают с обществом сами люди как субъекты деятельности и взаимодействия (*про-*

цессы социального конструирования). Спонтанность имеет отношение к природе социальной реальности, воспроизводству социокультурных образцов, а рациональность — к возможностям ее выражения в познании и в практике субъектов.

Можно предположить, что в этих процессах познающие субъекты, придерживающиеся разных парадигм бытия в мире (становления или развития) занимают различные позиции: одни из них выступают, главным образом, как *акторы*, реализуя себя в процессах социального конституирования в качестве носителей социокультурных традиций, а другие проявляют себя преимущественно как *авторы*, т.е. создатели социальных проектов или главные инициаторы социальных изменений.

Акторы как первая категория субъектов социального познания существуют чаще всего в логике становления — открытого в познавательном и практическом плане процесса развертывания родовых сил и способностей. Они не стремятся изменить мир, перестроить его по собственным правилам или подчинить своим интересам. Они просто живут в нем, выступая в роли наблюдателей и постигая тем самым шаг за шагом тайны социального бытия людей, неведомые или недоступные для людей, стремящихся изменить социальный мир в корне или перестроить его на собственных основаниях и принципах.

Авторы (социальные конструкторы) чаще всего придерживаются парадигмы развития с присущими ей достиженческим духом и ориентацией на признание окружающих. Для них, в отличие от акторов, актуальным является право собственности не только на материальные объекты (посредством их присвоения), властные структуры (посредством овладения контролем над дефицитными ресурсами), но и на интеллектуальную продукцию — научные достижения, произведения литературы или искусства, социальные нововведения (через освоение и внедрение новшеств) и т.д.

Таким образом, акторы выбирают модель стабильного и равновесного существования социального мира, проникая постепенно в глубь изучаемых явлений, а авторы предпочитают использовать конструктивистскую модель социального познания, непрерывно вмешиваясь в социальную реальность и навязывая ей свои «правила игры» и познавательные стандарты.

Первые имеют дело с реальностью как таковой, тогда как вторые отвергают эту реальность, подменяя ее собственными представлениями и стандартами, т.е. искусственной реальностью.

Различение субъектов познания по отношению к публичным делам: обыватели и публичные люди

Предположение 5. В реальной жизни субъекты социального познания выступают, с одной стороны, как обыватели, пребывающие в позиции наблюдателей и потребителей информации, а с другой, как публичные люди, находящиеся в гуще событий и заявляющие о себе постоянно в публичной форме.

Можно предположить, что существует два измерения жизненного мира людей: публичное и обыденное. Публичное (событийное) измерение жизненного мира предназначено для демонстрации другим участникам жизненного процесса и находится в сфере их повышенного внимания или является по тем или иным причинам предметом их интереса. Обыденное измерение имеет латентное, «внутреннее» назначение, не выходящее за рамки текущей жизни людей.

Главными фигурантами представленных выше измерений жизненного мира являются соответственно обыватель («обычный человек») и публичный человек. В данном случае мы будем понимать под обывателем типичного представителя конкретной социальной общности. Ключевыми терминами при определении данного термина выступают слова «бывать», «бывал». Когда говорят «мы там были», то имеется в виду именно данный смысл проживания человеком конкретной ситуации в жизненном мире.

Но есть и еще один смысл слова «обыватель». Это характеристика степени присутствия или участия в общественной жизни, открытость его жизненного уклада. Так вот: «бывать» — это еще не значить «быть», т.е. быть полноценным и полноправным субъектом социальных отношений и творцом собственной жизни. Это, скорее, находиться рядом, недалеко от «столбовой дороги», от магистрали, по которой проходят основные ресурсы, распределяемые и направляемые на цели главных субъек-

тов — принципалов как «хозяев жизни», представляющих мир формальных систем и обладающих всей полнотой влияния, информации и богатства.

Обыватель — это человек толпы, массовый индивид, стремящийся затеряться в огромном жизненном пространстве, стать незаметным в этой жизни и в завершение ко всему и не желая того — «подкормкой» для больших рыб в человеческом океане.

С точки зрения социального познания обыватель сродни наблюдателю. Он наблюдает как бы со стороны за тем, что с ним и ему подобными совершается. Наблюдает вяло, пассивно, как будто все то, что с ним происходит, его по-настоящему не касается.

В какой-то мере жизненный мир большинства российских людей — это большая наблюдательная комната, панорама с одним входом и одним выходом, повлиять на качество и порядок изображаемого в которой практически невозможно. С точки зрения обычных людей возможна только одна стратегия социально-познавательной деятельности: нужно продолжать наблюдать, в том числе наблюдать то, как изменяются общественные и нравственные устои, или то, как в потоке массовой пропаганды исчезает подлинное лицо свободного человека.

Но если есть обыватель, то должна быть и противоположная ему по статусу и стратегии социального познания фигура. В нашем случае это — *публичный человек*, т.е. человек, который находится всегда на виду, купается в лучах славы и общественного внимания. Он живет в меньшей степени частной, обособленной жизнью, не предназначенной для открытой демонстрации, чем публичной жизнью, которая призвана держать в завистливом напряжении толпу обывателей.

Публичный человек вступает в брак по расчету со средствами информации. «Эфирное время» становится его жизненно необходимым ресурсом. Он все время живет на виду, поддерживая постоянно образ «большого», известного человека и подчиняясь логике развития виртуальной реальности. Его поведение регулируется законами и правилами жанра публичной жизни.

Казалось бы, все основные и значимые действия происходят на арене театра «большой жизни» публичных людей, т.е. тех, кого преподносят нам средства массовой информации в каче-

стве главных героев сегодняшнего дня со всеми присущими им символами благополучия — богатством, властью, влиянием. Их мнения и оценки становятся определяющими в общественном дискурсе. К ним прислушиваются и с ними считаются, тогда как точка зрения обывателей практически не интересует широкую общественность. К ним обращаются лишь за подтверждением уже сложившихся представлений.

Разумеется, не стоит упрощать реальную картину жизненного мира человека, введя в него только двух фигурантов социального познания — обывателей и публичных людей. Имеются еще и немногочисленные группы людей, не вписывающихся в социальную панораму — активистов, защитников прав, общественных лидеров, ученых, стремящихся обратить внимание на острые и злободневные проблемы нашего общества, равно как на собственное благополучие и удаленность от ресурсных центров. Но они находятся в силу различных причин на периферии общественной жизни, не оказывая существенного влияния на ее публичную сферу.

Единственным представителем жизненного мира, способным в силу инертности формально противостоять системной экспансии авторитарно-бюрократического государства, оказывается, как это ни парадоксально звучит, фигура обывателя, занимающего во все времена позицию наблюдателя. Но пока на его место не придет гражданская личность, в обществе будут царить отчуждение и хаос, дополняемые всеми издержками и наследием тоталитарного прошлого.

Наша беда состоит в том, что у нас нет гражданской личности с выраженной познавательной стратегией, а ее место занял во многом обыватель, пассивный наблюдатель. Время требует осмысленных действий, на которые не способны ни обыватель, ни публичный человек. Нужны автономные субъекты, свободные личности, выступающие в качестве экспертов от имени гражданского общества.

Следовательно, обыватель или обычный человек, пребывая в невидимых, латентных слоях жизненного мира, вынужденно сохраняя свою социальную маскировку, находится на одном полюсе социокультурного пространства, а публичная

личность, находящаяся в центре публичного пространства, — на другом. При этом они руководствуются разными стратегиями социального познания — наблюдение и публичный дискурс.

Различения субъектов познания по уровню профессиональной компетентности и жизненному опыту: «профессионалы» и «дилетанты»

Наконец, перейдем к рассмотрению еще одного типа практических социокультурных различий, содержащихся в моделях социального познания человека.

В профессиональной сфере модели социального познания можно разделить на модели профессионального мастерства (профессионализм) и модели дилетантства (дилетантизм). Основаниями для их выделения могут служить, с одной стороны, уровень компетентности человека в решении проблем социально-познавательной деятельности, а также его социальный опыт (объективный критерий), а с другой — особое восприятие и постижение социального мира, характерное для различных представителей данной профессии (субъективный критерий).

В рамках модели *профессионального мастерства* (профессионализм) человек стремится стать мастером, настоящим знатоком дела и ценителем своей профессии. Подобно булгаковскому Мастеру, он пишет роман своей профессии глубоко и серьезно, погружаясь в него настолько, что появляется опасность истощения жизненных сил, их необычайного перенапряжения. Представители данной модели превращают свою жизнь в творческую лабораторию или мастерскую. Они полностью отдаются профессиональному творчеству, доводя его до уровня совершенства и искусства.

Профессиональное мастерство достигается путем нелегкой, порой изнурительной и рутинной работы. Ведь быть настоящим мастером своего дела — это значит освоить и изменить ее настолько, что она становится своего рода произведением искусства. Это требует от ее автора глубокого знания дела своей жизни и соот-

ветствующих познавательных навыков и умений. Чаще всего подлинными мастерами (профессионалами) являются выдающиеся представители науки, литературы и искусства.

Модель *дилетантства* выделяется в связи с особым мироощущением, характеризующим либо личность, которая сознательно занимает позицию дилетанта, либо человека, который, не будучи способным к данной деятельности, неосознанно выбирает ее в качестве линии своей жизни. В первом случае дилетантство есть форма творческой самореализации личности, во втором — результатом некомпетентности и неправильного выбора вида профессиональной деятельности. Первые — это маргиналы в данном профессиональном сообществе, выполняющие важную роль, вторые — случайные люди, наносящие вред своей профессии.

Поэтому следует различать два типа дилетантизма: профессиональная некомпетентность и творческое дилетантство (профессиональная маргинальность).

В отличие от первого представления о дилетантстве как любительском занятии, для которого свойственно поверхностное знание предмета деятельности, содержание второго типа мы определяем, исходя из значения латинского слова «delecto», что означает буквально «услаждать», «развлекать», «забавляться».

При таком понимании дилетант есть человек, который ищет и находит в жизни наиболее интересные, привлекательные, доставляющие ему и окружающим его людям истинное духовное наслаждение моменты. Иначе говоря, дилетант — это человек, прибегающий к непривычным и нетрадиционным формам самореализации и отличающийся от большинства людей своей повышенной любознательностью, увлеченностью, желанием лучше разобраться в себе и других.

Однако дилетантство как стратегия и практика социального познания есть не просто занятие, доставляющее удовольствие человеку, но и особый образ жизни. Это — такой способ постижения социального мира человека, который помогает ему преодолеть чувство психологической неудовлетворенности и ощущение «суетности» жизни и одиночества.

В модели дилетантства социальная жизнь рассматривается субъектом в контексте стремления к вечному блаженству и высшему наслаждению, которые достигаются в процессе увлечения

тельных занятий и необычных дел. Дилетанту, занимающую эту позицию в обществе, чуждо само понятие «работа» Для него характерно целостное отношение к жизни: он не принимает общепринятое деление творчества на работу, досуг и прочее, а воспринимает его как единое целое.

В этом смысле дилетантство — это особое мировоззрение и мироощущение, служащее альтернативой не только всему привычному, традиционно устоявшемуся и обыденному, но и профессиональному творчеству. Поэтому дилетантом может стать далеко не каждая творческая личность. Чтобы стать дилетантом в данном смысле, надо перестать быть «работником», «профессионалом» в узком смысле этих слов.

С этой точки зрения негативный образ дилетанта, сложившийся в нашей литературе, должен уступить место представлению о нем как жизнерадостном и необычном человеке, который любит жизнь, людей, а также все то, что украшает и услаждает жизнь, делает ее интересной и привлекательной; он создает свой неповторимый социальный и жизненный мир, даря его себе и людям как бесценное сокровище.

В современной жизни такое понимание дилетантства, как и стратегии социального познания вообще, не находит широкого распространения ни в науке, ни в практике. Это связано, в частности, с тем, что современное общество еще не создало необходимых условий для полноценного и разностороннего творчества личности. Примеры дилетантства (в указанном нами смысле) следует искать среди тех, кого по праву называют «свободными художниками». Их отличает широта и оригинальность мышления, склонность к восприятию и инициированию нововведений, умение распорядиться своими творческими дарованиями и способностями, отсутствие комплексов и психологических ограничений, легкость в общении и разносторонняя эрудиция.

Следовательно, профессионализм и дилетантство являются еще одной дихотомической парой в социально-познавательной деятельности человека, определяющей разнообразие его познавательных стратегий в современном обществе.

Вместо выводов

Итак, для сравнительного анализа моделей социального познания человека предлагается использовать подход, основанный на изучении *социокультурных различий и их результатов — различий*. Согласно ему:

— люди руководствуются в процессе познания социальной жизни *правилами различения*, чтобы получить различия, необходимые им для успешного ориентирования в социокультурном пространстве;

— *различения* — это своего рода опознавательные механизмы, встроенные в систему ориентирования человека в социальном мире;

— необходимость в различении возникает в проблемной социальной ситуации субъекта;

— *различие* есть результат различения — процедуры осуществления выбора альтернатив в проблемной социальной ситуации;

— *социокультурные различия* — это различия, обусловленные отношением людей к данной культуре (их идентичностью) и возникающие в проблемных ситуациях «здесь и теперь»;

— социокультурные различия подразделяются условно на метафизические и практические; *метафизические различия* — это различия, производимые по способам познания социального мира, которые находятся за пределами их повседневного опыта (различия по избранной парадигме социального бытия, по способу отношения к данной культуре и пр.); *практические социокультурные различия* формируются в рамках познавательного освоения человеком своей повседневной практики (различия по отношению к публичным делам, по уровню компетентности и др.).

Разнообразие познавательных стратегий конкретного человека определяется во многом набором социокультурных различий, которые он не только осознает, но и активно использует в своей повседневной практике для успешного или адекватного ориентирования в социальном мире.